

Прежде всего это «есть» может иметь экзистенциальное значение, т. е. быть указанием просто на существование: «добрые люди все-таки есть» или «у него есть дом», или «знания у него есть, а ума нет». Во-вторых же, грамматическая предикация далеко выходит за пределы подведения вида под род и за пределы констатации факта. Возьмем такое предложение, как «брат любит сестру». «Брат» тут вовсе не есть что-нибудь единичное, которое подводилось бы под слово «сестра» как под нечто родовое. И «брат» и «сестра» здесь одинаково единичные существа, а «любит» не имеет никакого отношения к простой экзистенции. Предложение «Архитектор Иванов построил дом» тоже не есть подведение вида под род, и это тоже вовсе не есть суждение существования. То же в предложении «В воздухе повеяло весной». И заметим, типов таких предложений существует сколько угодно; и еще не появилось такого лингвиста, который бы дал точную классификацию всех грамматических предложений с принятием во внимание их качественных особенностей.

Можно сказать, что в отношении содержания число предложений, а следовательно и предикатов, безгранично. Можно представить себе и чисто логические предложения, и экзистенциальные, и качественно наполненные (физически, психологически, общественно, политически, исторически), и предложения разного рода оценочного типа (моральные, эстетические, политические).

К этому необходимо прибавить также и другие уже чисто формально-грамматические категории, сопровождающие то или иное грамматическое предложение. Возможно введение в него разных уточняющих слов или отдельных частиц и даже целых придаточных предложений, уточняющих собою тот или другой основной член предложения.

Мышление действительно состоит из того, что мы что-нибудь предцируем с чем-нибудь. Казалось бы, здесь мы имеем дело с таким простейшим предметом, о котором и говорить нечего. На самом же деле, когда мы переходим к языку, этот принцип предцирования приобретает совершенно неузнаваемые формы, а иной раз даже и совсем отсутствует, по крайней мере видимым образом. Это значит, что чисто логическая предикация неузнаваемым образом интерпретируется в языке. Безличные предложения вроде: «Светает», «Вечереет», «Холодает», «Потеплело», «Думается», «Кажется», «Знобит» не имеют выраженного предмета для предцирования, а лишь выражают само предцирование. Но конечно, предмет этот есть, только проанализировать его трудно. Когда мы говорим «дойдет», то нам на первых порах еще не известно, кто дождит или что дождит, но уже немецкий язык говорит *es regnet*, т. е. какое-то «оно дождит». Французы пошли еще дальше, и это «оно» они превращают прямо в «он» — *il pleut*. Но откровеннее всех и со своей точки зрения гораздо более честно рассуждали древние греки, которые прямо говорили «Зевс дождит» — *Dzeys huet*. Поэтому безличные предложения имеют целую свою историю: и то, что идет дождь, как бы оно логически ни выражалось, в языках выражается весьма разнообразно. Поэтому само предцирование выступает в разные исторические эпохи в своей тоже весьма разнообразной и степени и качественности, т. е. со своей весьма разнообразной интерпретацией.

Да и законченное логическое суждение в одних языках выступает в виде нерасчлененного звукового комплекса или в виде ряда таких комплексов, в других — в условиях огромной семантической значимости интонации, в третьих — эргативно, в четвертых — чисто флективно. Агглютинация и флективность имеют мало общего с чисто логическим слиянием отдельных понятий в едино-раздельное суждение. Особенно вариативным характером отличается в языках предцирование, начиная с указанного у нас сейчас его отсутствия (как мы сказали, только мнимого) и кончая проведением его решительно на всех языковых уровнях. Об этом речь пойдет ниже.